

Марина
СЕРОВА

**Вечный
двигатель
смерти**

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Частный детектив Татьяна Иванова

Марина Серова

Вечный двигатель смерти

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Серова М. С.

Вечный двигатель смерти / М. С. Серова — «Эксмо»,
2020 — (Частный детектив Татьяна Иванова)

ISBN 978-5-04-116142-2

В результате несчастного случая погибает жительница Тарасова – Елена Соломко. Женщина мыла окна, оступилась и упала с высоты пятиэтажного дома. В этот же день, незадолго до смерти Елены, к частному детективу Татьяне Ивановой приходит дочь погибшей Виктория и просит помочь ей устранить недавно возникший симптом в виде голоса, звучащего в голове и уговаривающего наложить на себя руки. Сначала Татьяна отказывает Виктории. Но узнав об обстоятельствах смерти ее матери, она решает во что бы то ни стало докопаться до истины...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-116142-2

© Серова М. С., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	19
Глава 3	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Марина Сергеевна Серова

Вечный двигатель смерти

© Серова М. С., 2020

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2020

© К Petro / Shutterstock.com

Глава 1

– Не знаю, как некоторым людям удается утверждать на все сто процентов что-то, что не до конца ими проверено. Как знать, что тебя ждет там, куда ты так упорно стараешься проникнуть? И речь даже не о том, что на долгую дорогу может не хватить сил, упорства, возможностей – это само собой, но есть и другой момент, некие исходные данные, с которыми ты вышел на старт. Например, толщина твоего кошелька. Нет, на самом деле это не ерунда. Что бы там ни говорили о том, что деньги – не главное, любое стремление быстро превратится в унылое отступление, если в карманах будет гулять ветер. Это раз. Два – жизненный багаж. Дети, родители, кредиты, болезни. Все это, как говорится, сопутствует, и перед тем, как отправиться покорять очередные вершины, неплохо было бы подумать о том, куда на время путешествия пристроить спиногрызов или неоконченный ремонт. Третье же, по моему разумению, тоже важно: это собственные жизненные установки. Этаким пакет с пакетами. Там и привычки, от которых фиг откажешься. И всякие умения и предпочтения типа упорства, любви к ближнему, способности не рубить сгоряча или, наоборот, не тянуть кота за... эти самые.

Ленка деловито кивнула и отпила из своего стакана. Такой же стоял передо мной. Оба были гранеными. Каждый был наполнен пивом. В Ленкином стакане его было меньше.

– Ты меня что, отговариваешь? – спросила Ленка.

– Нет, ну что ты! – горячо запротестовала я.

Я осмотрелась и вздохнула.

На моей кухне, где мы с подругой культурно распивали, царил разруха. С утра на меня внезапно накатило: а дай-ка я все тут приведу в порядок! Из шкафчиков выкатывались посуда, вскрытые упаковки с какой-то крупой, куча пластиковых вилок и ножиц, обрывки фольги, спичечные коробки и много всего, что когда-то казалось необходимым, было куплено, отставлено, утеряно, забыто. Холодильник тоже подвергся тщательной проверке на важность его содержимого.

В нем я нашла контейнер с какой-то едой, но опознать ее не смогла, потому что она была покрыта нежной пушистой плесенью. Контейнер долгое время прятался за кастрюлькой, накрытой крышечкой, но самое интересное, что то, что таилось под крышечкой, тоже оказалось непригодным.

Это был плов, над которым я колдовала полторы недели назад. Ароматище тогда стоял такой, что я позавидовала каждому, кто в этот момент мог пройти мимо дома. Готовила я с открытым окном, на улице самым натуральным образом собиралась гроза, но она так и не случилась. А вот плов удался.

Съесть все сразу я не планировала, да и не смогла бы, поэтому сложила его в кастрюлю и, не глядя, сунула ее в холодильник. А на другое утро ко мне пришли гости, и про плов пришлось забыть. Не то чтобы специально, но факт остается фактом. Я его загубила.

* * *

Клиентка напросилась ко мне домой.

Я не хотела, но она пришла. Просто ей нужно было срочно, а договориться о месте встречи за пределами моей квартиры не получилось. Девушка находилась в сильном стрессе. Я решила не мучить ее долгим ожиданием и назвала адрес.

– Спасибо вам большое, – выдохнула она. – Я, правда, не слишком хорошо знаю город, но, наверное, найду.

Я тут же решила ухватиться за этот момент и сделала попытку устроить свидание в нейтральном месте.

– А вы сейчас где находитесь? – поинтересовалась я.

Она назвала адрес. Да уж, не ближний свет.

– Если честно, меня бы устроила встреча на вашей территории, – объяснила девушка. – Неуютно на улице.

– Мы можем пойти в парк, найти тихое местечко, – предложила я.

Она не сразу ответила. Стало понятно, что ей не по душе мое предложение.

– Приезжайте, – сдалась я. – Адрес помните?

– Помню.

– Жду с нетерпением.

Откладывая в сторону телефон, я поразила сама себе.

Я не спросила у девушки ни о чем. Не узнала, как ее зовут и откуда она взяла мои контакты. Не предупредила о том, что мой ценник совсем не дешевый. Я даже не узнала, по какой причине она хочет меня видеть. И она не стала рассказывать. Сразу наехала с просьбой о встрече. Добавила, что времени у нее осталось мало. Мало до чего? В каком смысле «мало»? И я растерялась. Ну вот, как такое могло произойти?

Звонок в дверь раздался примерно через час. До прихода клиентки я успела сгонять в магазин за сигаретами, поставить на огонь турку с кофе и быстренько соорудить в комнате относительный порядок. Планировалось проводить человека в гостиную, усадить в кресло, поставить перед ней чашку (если не откажется) и пепельницу (если захочет), а потом, подперев ладонью щеку, наконец-то погрузиться в ее проблемы.

Это была совсем молодая девушка. На вид ей можно было дать и восемнадцать, и двадцать четыре.

Есть такой период в жизни каждого, это когда ты одновременно можешь выглядеть выпускником школы и успешным человеком, познавшим многие постыдные тайны Уолл-стрит. Подслеповатые консьержки, бывает, обращаются ко мне на «ты», не подозревая, что я давным-давно выползла из подростково-прыщавого периода. Однако стоит мне открыть рот и произнести пару слов, как их восприятие тут же рушится.

Девушка принялась разуваться. На ней были высокие розовые кеды, и, чтобы расшнуровать их, она опустила на одно колено. С плеча тут же соскользнула сумочка, и посетительница тут же с досадой отодвинула ее в сторону, чтобы та не мешалась.

– На улице сухо, – попыталась я прервать процесс. – Бросьте вы. Проходите так!

– Нет, я не привыкла, – наотрез отказалась девушка, быстро перебирая пальцами. Шнурки становились все длиннее и длиннее. Дело явно шло к развязке. – То есть я знаю, что можно в доме в уличной обуви, но я реально не могу.

– Ну ладно, – в который раз поступилась я своими принципами, – не страшно. Закончите – проходите в комнату. По кофейку?

– Да. Можно.

Я отправилась на кухню за кофе.

За спиной послышался глухой звук. Похоже, кеды были отправлены в отставку.

Кофе девушка любила, но от сигарет наотрез отказалась.

Усевшись в кресло, тут же открыла сумочку и протянула мне паспорт.

– Зачем? – не поняла я.

– Вы меня домой пригласили, вы должны знать, что я и кто я.

Я послушно открыла ее паспорт.

Виктория Соломко. Судя по дате рождения, ей двадцать три года.

– Очень приятно, Виктория, – улыбнулась я и вернула паспорт хозяйке. – Теперь моя очередь.

Свою ксиву я заблаговременно отправила в задний карман джинсов, но Виктория только бросила на нее быстрый взгляд.

– Я знаю, кто вы, – успокоила она меня. – Вы помогли моей знакомой.

Уже что-то. Рекомендации от бывшего работодателя – это круто.

– Наверное, так и было, – уклончиво ответила я. – Рада, что смогла помочь.

– Подругу обвиняли в краже, она в ювелирном работала, – напомнила Виктория. – Вы не только доказали, что она не была вором, – вы вычислили настоящего преступника.

– И им оказался охранник, он же сын директора магазина, – вспомнила я.

– Да, – кивнула Виктория и взяла в руку чашку с кофе. – Только подругу все равно уволили.

– Как это так?

– А вот так. Жизнь такая дерьмовая.

Она сделала из чашки маленький глоток. Потом, словно распробовав, еще один. Затем еще. И снова. Пила жадно, но странно. Словно пробовала на вкус, потом смаковала кофе во рту, а после все повторялось сначала. Я никогда не видела, чтобы кофе пили таким способом. Маленькими глотками – да, но хотя бы с какими-то паузами. Но чтобы так?

Но все люди разные, и далеко не все видят себя со стороны. Викторию я не знала, поэтому делать какие-то выводы после десяти минут знакомства мне показалось крайне преждевременным. Но пока я настраивала себя на благожелательную волну, она уже справилась с содержимым чашки и поставила ее на блюдце.

– Как же давно я не пила кофе, – пробормотала она и вдруг вскинулась. – Натуральный же?

– Другого не держим, – скромно улыбнулась я.

– А как пахнет! Я еще на лестничной площадке поняла, что вы меня угостите! Спасибо!

– Я еще сделаю, – предложила я.

– Нет, не нужно, – покачала головой Виктория. – Мне много нельзя.

– Давление? Сердце?

Вика снова полезла в сумку, достала из нее таблетки в блистере.

– Воды? – догадалась я.

– Не надо, они не горькие.

То недолгое время, которое я провела с Викторией, мы ни к чему не пришли. Кофе и лекарства, конечно, вещи нужные, но в чем суть ее визита?

– Виктория, я вас внимательно слушаю, – подтолкнула я ее.

Она вдруг уставилась на меня с таким видом, словно за моей спиной прямо из пола выросло дерево. Правда, смотрела она не за спину, а прямо в глаза.

На всякий случай я обернулась. Вдруг ее привело в ужас что-то, что она заметила в моем доме? Засохший букетик на тумбочке, который мне просто лень выбросить? Дверной проем, за которым виднелся край коридора, где я забыла выключить свет? Брошенная на спинку стула футболка, которую я в суматохе просто не заметила?

Да ерунда. Для меня тут все привычно, но это я. Викторию, похоже, серьезно воспитывали в прошлом. Вон как судорожно принялась разуваться, и не остановить было.

Виктория подалась вперед.

– Вы слышите? – прошептала она.

Я прислушалась.

Удивительно, но я тотчас услышала столько, что и не сосчитать. Шаги соседей сверху, едва слышную музыку из-за стены, шум машин на улице и речь, которую я не понимала, потому что она звучала на иностранном языке. Под окнами шли какие-то люди и разговаривали о чем-то легком, веселом. Один смеялся, другой захлеб что-то рассказывал. Лязг железа тоже услышала – в соседнем дворе меняли старую покоцанную оградку, обвивающую детский двор, на

новую, и вот уже несколько дней рабочие вынимали из земли и складывали старые металлические секции в опасные острые кучки. Работа длилась уже несколько дней, и каждый вечер старый металлолом забирал грузовик, который тоже был довольно громким.

– Я вас слышу, но пока не понимаю, – призналась я. – О чем именно вы хотите рассказать? О нет, я прекрасно поняла, что она имеет в виду, и это был не городской шум.

Тут было что-то другое. Следовало очень аккуратно подобраться к тому, чего так испугалась моя гостья. И я, разыграв непонимание, попробовала хоть как-то подтолкнуть ее к более-менее связному изложению своей проблемы. Девушку что-то очень тревожило, но что именно?

– Вы знаете, у меня часто приоткрыто окно. А сейчас сам бог велел – жарыща-то какая. Но если вам мешают звуки с улицы, то можно что-нибудь придумать, – сказала я. – Вы только скажите.

Виктория посмотрела на меня с жалостью. Теперь я напряглась основательно.

– Вы не слышите, – подвела она итог и отодвинулась от меня. – Говорите, что слышите, но на самом деле ждете. Чтобы вам стало все ясно и понятно.

– Так и есть, – вздохнула я. – Чтобы помочь вам, я должна понять из вашего рассказа хоть что-то.

– Я вас отвлекаю? – с вызовом спросила девушка. – Я не вовремя? Или просто не представляю для вас интерес?

Вот не люблю, когда на ровном месте начинают предъявлять претензии. Тем более что Виктория только что запутала меня окончательно. Эмоций много, а толку ноль. Так дела не делаются.

– Послушайте, но я же суть не уловила, – попробовала объяснить я.

Виктория молчала, не пытаясь возразить и поспорить. Я уж было подумала, что сейчас произойдет удивительное – посетительница, наверное, поймет, что я говорю вовсе не о том, что не заинтересована в нашем сотрудничестве. Напротив. И я очень хочу ей помочь. Но не знаю чем!

– Я знала, что не нужно было приходить, – забормотала она. – Знала, что происходящее не нормально. Но была надежда. Была. Она была!

Ее голос становился все громче. А я не знала, как себя вести.

– Объясните же, о чем вы говорите, – потребовала я и осторожно взяла ее за руки.

Благо расстояние, которое было между нами, позволяло это сделать. Руки девушки были горячими. От нее исходил горьковатый кофейный запах.

– Давайте простыми словами. Начните с любого места вашей истории. Разберемся, обещаю.

– Я попыталась, – вдруг спокойно ответила девушка на мою попытку привести ее в чувство, – но это, знаете... это было так тупо. Вы меня не бойтесь, пожалуйста. Потому что я не буйная. Так ведь говорят о психах? А я – псих. Самый настоящий. Я он и есть. Лечусь, да. Да вы сами видели таблетки. Их пью давно и... – Она безмятежно улыбнулась, и меня испугала ее улыбка. По спине скатилась толпа мурашек, – ...безуспешно. Мне, наверное, давно стоило это прекратить, но останется мама.

– В смысле «прекратить»? – испугалась я. – В смысле «псих»?

Мурашки – важный показатель. Если после получения какой-нибудь информации волосы встают дыбом хотя бы на мгновение, значит, информация получена не просто важная, а еще и опасная, нередко требующая незамедлительной обработки. И все это делается во избежание очень нехороших последствий.

То, что сообщила Виктория, основательно меня напрягло. Речь зашла о маме, которая, если я правильно поняла, значила для Вики очень много. В самом теплом и хорошем смысле. Девушка больна, и вряд ли это физический недуг. Если он и есть, то она говорила не о нем. Сидит на таблетках, и давно. Назвала себя психом. Не может и двух слов связать, гнет одну

ей понятную линию, но не замечает этого и злится на то, что ее не понимают. Заявила, что не буйная, но находится на грани нервного срыва. Еще немного – и сиганет из окна.

Ей реально нужна помощь, но какая именно?

Но я не исключала наличие альтернативной реальности. Зная о современном увлечении молодыми людьми, а в особенности молоденькими девушками, темой о безысходности бытия, я подумала, что, возможно, без этого не обошлось.

Откуда у людей такая повальная тяга строить из себя «поживших и испытавших», я не знала. Но соцсетями пользуюсь и руку на пульсе времени, разумеется, держу.

Рассказов о том, что жизнь – есть тлен и боль, там немыслимо много. Юные «старики» надменно делятся собственным опытом, который якобы приобрели за всю свою недолгую жизнь. Типа познали столько, что ничему уже не удивляются. Раскусили всех и вся, смогут на молекулы разобрать любую жизненную проблему, если она мало-мальски напоминает что-то возвышенно-трагическое.

«Люблю быть одна. Не люблю людей. Они меня не понимают». Или: «Не старайся меня удивить, потому что мои лучшие друзья – это книги, они никогда не предадут. А ты так смог бы?»

Маразм крепчал, логика таких статусов растворялась в слабом намеке на смысл после первых прочитанных слов.

В дебаты с такими людьми я не вступала, но иногда аж руки чесались.

Или так: «Моя душа в *тринадцат*ь поседела». Не в шестнадцать, не в двадцать, а именно тогда, когда одновременно хочется купить и лак для волос, и книжку-раскраску.

Очень часто их рассуждения были приправлены ядреным цинизмом. Судя по всему, народец был действительно читающим, и не кого-то там листал, а Ницше или Тэффи. Но что-то мне подсказывало, что актерства и желания эпатировать в их словах было больше, чем истинной правды.

Виктория вполне могла быть одной из тех, для кого обычная манера общения предполагала закатывание глаз и других органов к потолку. Но если так, то она бы и разговаривала со мной свысока. Могла добавить сарказма хотя бы куда-то, но этого я не заметила.

Она не выказывала превосходства. Вообще.

Была еще одна деталь.

Я видела таблетки, которые она принимала. Это был сильный транквилизатор, я видела такие у знакомой, которая долго не могла оправиться от развода. Их ей прописал участковый психиатр, и, по словам знакомой, они работали. Со временем она отказалась от них, потому что чувствовала себя сонной круглые сутки. Да и не картинно их закидывала в себя Виктория, а спокойно. Не рисуясь. Значит, действительно принимает лекарство, а не бравирует. Ну вот, и ответы на все вопросы, которые возникли у меня чуть раньше. Девушка действительно лечится и, кажется, устала от этого.

Связана ли ее проблема с болезнью? Скорее всего.

Однако мне нужно было непременно подтвердить свои догадки.

– Вы сказали, что хотели что-то прекратить, – напомнила я. – Если я все верно понимаю, то речь идет о лечении. Прекратить – уйти из жизни? Вы это хотели сказать?

Виктория посмотрела мне прямо в глаза, и взгляд был настолько уставшим, что я тут же устыдилась своего вопроса.

– Все правильно, – подтвердила она. – Но если уйду я, то останется моя мама. Это все равно что предать. Плюнуть ей в лицо. Или ударить.

Она опустила голову и, не вынимая своих рук из моих, тихонько заплакала.

«Ну вот и приплыли, – подумала я. – Теперь все понятно. Непонятно только, что с этим делать».

– Кофе, говорите, вам много нельзя? – спросила я, поднимаясь с дивана.

– Да, не рекомендуется, – шмыгнула девушка носом. – Он же у вас натуральный. Значит, действие на организм будет серьезным.

– Возбуждающим?

– И это тоже. И за давлением нужно следить. Вы извините за слезы. Я вас напугала. Но скоро подействует лекарство. Мне станет лучше.

– Это хорошо, – улыбнулась я, – тогда я себе сделаю. Подождете? Я быстренько.

Виктория достала из сумки платок и пудреницу.

Снова готовить кофе не пришлось – в турке как раз осталось на одну чашку.

Я сунула кофе в микроволновку, чуть-чуть подождала и вернулась в комнату.

Виктория уже взяла себя в руки. Сидела с прямой спиной, забросив ногу на ногу и обхватив колени руками. Встретила меня вежливой улыбкой.

«Знать бы, чего ты хочешь, – мелькнула мысль, – а то гадать не хочется. Попробуем еще раз. Погнали».

Бывают такие люди, которые иногда с трудом формулируют мысли в своих головах, и на словах едва доносят их до собеседника. Иногда это происходит во время стресса, но часто человек общается так с другими и без влияния какого-либо эмоционального всплеска. Я очень надеялась на то, что Виктория просто не может собраться с мыслями – от этого ее понять очень трудно.

– Я закурю, вы не против? – спросила я.

– Курите, – разрешила посетительница, – мне от запаха сигарет плохо не становится. Мама иногда тоже позволяет себе выкурить сигарету. Но это случается очень редко.

Я подошла к окну, подтянулась на руках и села на подоконник. Сделала это специально, чтобы девушка поняла, что я хоть и детектив, но ничто человеческое мне не чуждо.

– Давайте начнем сначала? – предложила я, разгоняя рукой сигаретный дым.

Виктория кивнула.

– Я к вам с такой серьезной проблемой шла, но сейчас сильно сомневаюсь в том, что сделала все правильно, – сказала она неуверенным тоном. – Но, если уж получилось с вами встретиться, значит, так тому и быть – расскажу. Вы же видели таблетки, которые я принимаю?

– Да, я обратила внимание. И название рассмотрела. Я знакома с этим препаратом.

– Вы тоже его принимали? – оживилась Виктория.

– Не я, а моя подруга. Довольно сильные таблетки-то. Вам их выписали? Или кто-то по знакомству поделился?

– Нет, что вы. Моя врач назначила. Без рецепта их не продают, они под строгим учетом. И найти это лекарство можно только в двух тарасовских аптеках. Оно очень редкое.

– Похоже, Вика, вы на нем плотно сидите.

Девушка утвердительно кивнула.

– Собственно, я к вам не по поводу того, чем меня лечат. Я давно состою на учете, с самого детства. Но я не из тех, кого сажают в палату с мягкими стенами. Слава богу, я не настолько утонула в своем безумии.

– Какой у вас диагноз? – в лоб спросила я.

Это было важно, и в данном случае я уже не думала о тактичности. Мне нужно было знать, как себя вести в дальнейшем, к чему быть готовой. Вполне вероятно, что я не смогу ей помочь в силу особенностей ее психики.

– Подозревают шизофрению, – спокойно ответила Виктория.

– Подозревают? – не поняла я. – Вы же вроде бы с детства лечитесь, неужели диагноз еще не установили? Сколько вам сейчас, простите?

– Мне двадцать три, – сказала Виктория. – Состою на учете с семи лет. Прекрасно помню, как все было в первом классе. Мама приходила в школу, но забирала меня не сразу. Сначала она о чем-то разговаривала с учительницей, а я стояла неподалеку и старалась прочитать по

губам. Но мне не всегда удавалось это сделать. Но я догадывалась. Мама спрашивала про меня, учительница ей рассказывала о том, как я себя вела. Если все было хорошо, то я не волновалась. А если в школе за день что-то случалось, то были разборки. Потом мы шли домой, и если у мамы было хорошее настроение, то мне светил еще один счастливый вечер. А если нет, то мама ругалась, плакала и уходила в себя. Я тогда не всегда связывала ее настроение с тем, как прошел мой день в школе. Потом поняла, что оно зависело именно от этого.

– В школе вы были на особом счету? Это из-за болезни?

– Да нет, ничего такого не помню, чтобы ко мне было особенное отношение. Не хотелось придушить соседа по парте или упасть на пол и кричать без причины. Я жила обычной жизнью. Мне так казалось. Но если вдруг что-то случалось, то это принимали за обострение болезни. Как-то раз я врезала однокласснице. Сильно врезала, прямо кулаком в лицо, представляете?

– Была причина? – спросила я.

– Была. Она назвала меня сукой и сказала, что пацаны из старших классов видели, как я ела свои сопли.

– Боже, как мерзко, – не выдержала я.

– Вы про сопли?

– Я про отношения между детьми. И сейчас этого полно.

– Не то слово, – поддержала меня Вика. – Жестокость во всей красе. Кто-то бы, оказавшись на моем месте, заплакал или что там еще делают, а я сразу в драку. Кстати, с той девчонкой ничего не случилось, даже кровь из носа не пошла. Но меня сразу же к завучу отвели.

– И что же решил завуч?

Вика улыбнулась.

– Я ее любила. Она не ругала, а угощала баранками и разговаривала со мной. Мама уже после выпускного призналась, что о моем расстройстве всем учителям было известно с самого начала. Поэтому они обращались со мной не так, как с другими. Но, конечно, им было стремно – я же на учете. Подозревать шизофрению стали недавно, а так-то в карте все больше про тревожность состояния написано.

– Панические атаки? Резкая смена настроения? Социофобия? – наобум перечислила я.

– В той или иной мере, – уклончиво ответила девушка. – Я на терапии с семи лет. В клинике была пару раз, но это скорее для учета и наблюдения за моим состоянием. Я более-менее контролирую свое состояние.

Вот прошла бы по улице мимо и не подумала, увидев Викторию, что девчонка почти всю жизнь состоит на учете у психиатра. Однако я стала невольным свидетелем того, как меняется ее поведение после окончания срока действия препаратов. Вот уж действительно какой-то разрыв шаблона получается.

– Если вспомнить про ту девочку в школе, то как часто с вами в детстве случались подобные инциденты? – спросила я.

– Пару раз, – нехотя призналась Вика. – Но больше я так отношения не выясняла. Если задевали, то больше по мелочам. Помнили, как я ей вмазала.

– И все же реакция была?

– Послушайте, Татьяна, я не страдаю манией вредить себе или кому-то еще. Не скандалю в очередях и не хожу голой по улицам. Но я живой человек, который в состоянии отличить шутку от намеренно причиненной мне обиды. Конечно, я реагировала. В школах часто ссорятся, дуются друг на друга, устраивают бойкоты. Это трудно пережить и здоровому ребенку, а если ты псих, то давит в два раза сильнее. Я делилась с мамой. Она давала советы. Я не умалишенная. И если отстаиваю свою точку зрения, то делаю это так же, как и другие. Не переходя границы.

– Но, простите, вы сказали, что у вас подозревают шизофрению? – вспомнила я.

– До полноты картины недотягиваю по симптоматике, – грустно улыбнулась Виктория. – Но присутствует некоторая тревожность, и это далеко не все. Не хотелось бы углубляться. Иногда не въезжаю в смысл некоторых своих действий. Вот иду в магазин, покупаю там молоко и сок, а мама дома говорит: «А где сыр и пельмени?» А я могу и не вспомнить, что должна была купить сыр, а не молоко. Иногда не вижу радости там, где в ней купаются. Свадьба, рождение ребенка – это что, событие века? Я так не думаю. А народ пьет и песни орет.

Насчет знаменательных событий я бы с Викой поспорила, но и тут она была в чем-то права. Если у тебя проблемы, то сложно заставить себя окунуться в чужое счастье, но ведь требуют какой-то реакции и могут даже кровно обидеться, если ты покажешься равнодушной тварью на фоне их радости. Эх, а вопрос-то занятный.

– Не люблю лишний раз показываться на улице, но это даже социофобией назвать нельзя, потому что я спокойно могу отправиться в магазин или зайти в кафе и купить себе чашку чая, – продолжала делиться Виктория. – Я окончила школу, в конце концов. В институт решила не поступать. Пока. Просто отдохну от стресса. Пытаюсь устроиться на работу продавцом, но каждый раз склоняюсь к тому, что лучше надомного труда для меня ничего нет.

– Будете работать удаленно?

– Я знаю немецкий и английский. Мама научила. Думаю, что смогу проводить онлайн-уроки или исправлять ошибки в текстах.

«Умничка какая, – мысленно восхитилась я. – А ведь могла бы послать всех к черту и прикрыться результатами психиатрической экспертизы. Тем более что имеет законное право. Но нет – бьется что-то там, пытается жить дальше. Не нахлебница. Хвалю».

– Кофе вам не рекомендован, – вспомнила я.

– Как и алкоголь и никотин, – дополнила Виктория, – но шампанское иногда могу себе позволить. Исключительно по поводу. И я не курю.

Я вспомнила про сигарету, которую недавно положила в пепельницу, забыв потушить. Она благополучно потухла сама, истлев до самого фильтра.

Пришла моя очередь смущаться.

– Извините.

– Но другие люди вокруг меня могут спокойно выпивать или курить, – ответила на это Виктория. – Мне это никак не навредит. Не тянет.

Я прыгнула на пол, подошла к дивану, села на него.

– Вика, вы так подробно о себе рассказали... Благодарю. Но есть один нюанс. Я до сих не понимаю, что вас заставило обратиться ко мне, – призналась я. – Я же расследую преступления, но в вашем случае не вижу ничего криминального.

Виктория понимающе кивнула.

С момента принятия лекарства прошло совсем немного времени, но оно уже действовало. Ее движения перестали быть дергаными и неловкими, а речь стала размеренной.

– Недавно я стала что-то слышать, – произнесла она. – Это голос. Преимущественно, женский. То тише, то громче. В любое время суток, я даже просыпаюсь от него.

– Чей же это голос?

– Не знаю, – покачала головой Виктория. – Я его не слышу так, как это бывает. Он внутри.

Мое спокойное состояние мигом меня покинуло. Подобное человек испытывает тогда, когда заранее знает ответ, но все равно сильно волнуется, когда приходит час истины. Как правило, новости оказываются не очень хорошими.

– Голос, значит, – сказала я. – Ага. Голос.

– Он у меня в голове, – продолжила Вика. – Да дело даже не в этом.

– Дело не в этом. Конечно, не в этом, – успокоила я ее. – А в чем же тогда?

– Женщина, чей голос я слышу, говорит, что мне пора уходить, – ответила девушка. – Способов, говорит, много. Выбирай, говорит, любой. Можно с моста прыгнуть, например. Или взять ремень, соорудить петлю, а дальше вы догадываетесь.

* * *

Ох, зря мы гоним на высшие силы. Мол, никогда не помогут, когда это очень срочно нужно. Но после слов Виктории случилось оно. Чудо.

Чудо проявилось в лице подполковника Кирьянова, решившего, что я нужна ему прямо сейчас. Вот вынь да положи перед ним Иванову.

– Минуту, – попросила я Victорию. – Отвечу на звонок.

– Конечно, конечно.

Я взяла телефон и вышла в коридор. Постояла, подумала и решила удалиться подальше от комнаты, где находилась девушка. И только потом ответила на звонок.

– Спишь? – спросил Кирьянов.

– Почему ты так решил? – не поняла я.

– Ты вроде в отпуске.

– Вроде. Но на часах шестнадцать сорок три.

– Значит, не разбудил, – закрыл тему Кирьянов. – Слушай, совет твой нужен.

Его интересовали мои идеи насчет подарка собственной супруге. Я была с ней знакома, но не настолько близко, чтобы взять Кирю под руку и отправиться с ним в торговый центр.

– Я сейчас не могу, Вов. У меня клиент.

– Звучит так, словно я позвонил в публичный дом, – серьезно заявил он. – Называй людей своими именами, а то можно подумать все что угодно.

– Никому до сих пор в голову не пришло, – заметила я. – Покумекай пока, позже перезвоню.

Отбившись от Кирьянова, я вернулась в комнату. Путь был недолгим, всего-то несколько метров, но почему-то именно тогда я поняла, что Виктория никогда не будет моей клиенткой. Уж слишком все это странно выглядит.

Я чувствовала, что меня не разыгрывают, но орешек мне не по зубам. Голоса в голове – не моя тема. Даже близко не моя. Или моя, но рядом непременно должен находиться тот, кто сечет во всей этой психиатрической симфонии. Виктория, кстати, так и не сказала, что ей от меня нужно. Чем я должна была помочь? Найти голос, который поселился в ее черепе, а потом надеть на него наручники? Или что? И пусть не продолжает даже. Не возьмусь, не буду.

– Вика, – сказала я сразу же, как зашла в комнату, – извините, но я не смогу вам помочь. Вот прямо так и выпалила.

Девушка посмотрела на меня с недоверием.

– Но ведь я не закончила, – произнесла она. – Не все рассказала-то.

– Хорошо. Заканчивайте. Только я все равно не смогу. Вам поможет врач – это, во-первых... Он знает про голоса?

– Конечно, знает, – горячо заговорила девушка, – и очень удивляется! Она сама не понимает того, что происходит.

– Вы сказали, она лечит вас с детского возраста? – вспомнила я.

– С первого класса, все верно, – обрадовалась Виктория. – Нина Тимофеевна знает меня вдоль и поперек. Не в прямом смысле, конечно. С мамой моей дружит, советует мне всякие способы. Нина Тимофеевна очень чуткая. Она тоже ранимая, но, знаете, не витает в облаках. А еще она заведует психиатрическим отделением нашей больницы. Знает столько, что слово «опыт» даже и половины того, что ей известно, не покроет. Но и она не смогла мне помочь.

– И поэтому вы выбрали частного детектива? – прищурилась я. – И что же я должна буду сделать?

– Разобраться в моей голове!

Она снова открыла сумочку. Но на этот раз она достала не таблетки, а широкий силиконовый браслет. Он был красивого фиолетового цвета.

Виктория рывком протянула его мне.

– Прочтите! – приказала она.

Я осторожно взяла в руку браслетик. На внутренней стороне увидела бумажную вставку. На ней было что-то написано.

– «Виктория Соломко», – прочла я. – Тут еще адрес и телефон. Это ваши?

– Мои. Отдайте.

Я вернула ей браслет. Она тут же попыталась прицепить его на связку ключей. Браслет застрял в кольце, на котором болтались ключи. Виктория раздраженно швырнула всю эту конструкцию в сумку.

– Это как клеймо, – с вызовом заявила она. – На собачьих ошейниках тоже пишут контакты хозяина и кличку животного, чтобы, если собака потерялась, можно было найти ее дом. Вот и у меня такое клеймо есть. Это мама придумала. Если со мной что-то случится, то меня опознают по браслету и, возможно, я уже не буду считаться безымянной. А я маму люблю. Согласилась таскать с собой браслет. Он ведь действительно может понадобиться. А вдруг?

– Вы сами-то хотите совершить суицид? – прямо спросила я.

– Не знаю, – прошептала она, но тут же вскинулась: – Нет. Нет. Не хочу.

– Мне тоже так кажется. Поэтому Нина Тимофеевна, которой вы доверяете, справится в этом случае лучше меня. Поймите, Вика, я работаю с несколько иным материалом – с людьми. И их поступками, и причинами совершения этих поступков, и с последствиями. Все, что можно потрогать, я потрогаю, попытаюсь исправить, починить, разобраться. Но мне не приходилось иметь дела с чем-то эфемерным.

– Вы не поверили, – обронила Виктория и поднялась из кресла. – А если бы поверили, то взяли бы?

– За что именно я взялась бы? – как можно мягче спросила я.

– За что-то непонятное.

Она быстрым шагом направилась с коридор. Снова присела на корточки и занялась шнурками.

Я стояла в дверном проеме и чувствовала себя отвратительно.

Виктория затянула последний узелок и распрямилась.

– Мне жаль, – призналась я. – Мне очень, очень жаль. Но вы действительно пришли не по адресу.

– Я так и поняла, – холодно улыбнулась девушка. – Ваша консультация стоит каких-то денег?

– Ой, что вы, – замахала я руками. – Нет.

– Тогда до свидания, Татьяна.

Закрыв за ней дверь, я вспомнила об открытом окне. Вернулась в комнату и распахнула окно еще шире.

Если бы девушка хотела покончить с собой, она бы непременно воспользовалась моментом, когда меня не было в комнате, и шагнула бы с карниза в пропасть. Но она не воспользовалась такой возможностью, несмотря на «голосовые сообщения», которые она получает как по расписанию. Значит, реально не заточена на самоубийство. Здесь другое, но она либо не хочет об этом говорить, либо не считает это важным. Что ж, я попыталась.

Кириянов не снимал трубку. После двух попыток связаться с ним я отложила телефон и достала из холодильника суп, которым меня накануне угостила подруга Ленка.

Вчера я провела весь день у нее дома, потому что детей она спланировала на чей-то день рождения, а те и рады были смотаться подальше от матери. Ушли с ночевкой. Загрустив, Ленка вызвонила меня, и мы до ночи трепались о всяком разном, параллельно культурно употребляя коньяк, который Ленке вручила благодарная мамаша очередного абитуриента. Весь год Ленка вбивала бедолаге в голову многочисленные тонкости французского языка, после чего он просто был обязан поступить в вуз без проблем. Однако этого не произошло, и Ленка узнала об этом от растрепанной мамаша молодого человека.

– Прикинь, – рассказала Ленка, – она пришла ко мне и хрясь бутылку на стол. Все, говорит, пропало. Я: как это, что это? А она сообщила, что сын тайно готовился на актерский факультет в Щепкинское театральное. Это же в Москве, Тань. И умотал туда сразу после экзаменов, оставив матери записку.

– Нынешние дети сами пробивают себе дорогу, – заметила я.

– Если бы.

– А коньяк она зачем притащила?

– Благодарила за труды. Понимающая тетка попалась.

В конце девичника, когда мы с Ленкой собирались на улицу в ожидании такси, она вручила мне контейнер с чем-то вкуснящим.

– Картофельный супчик. С утра благодарить будешь.

– Да ну, мы выпили-то чуть-чуть, – возразила я.

– В охоточку зайдет, – подсуетилась подруга.

За эту «охоточку» я была готова ее прибить. Иногда уменьшительно-ласкательные суффиксы совсем не к месту. Но Ленку я знала, она была любителем по-доброму меня побесить.

С утра следов похмелья не было. То ли коньяк качественный попался, то ли реально мы всего лишь пригубили.

Про суп я вспомнила только сейчас. Но после разговора с Викторией есть не хотелось. Почему-то было стыдно.

Решив все-таки связаться с Кирьяновым, я снова набрала его номер.

Снова тишина. Ленка тоже была не на связи. Жаль, потому что мне очень хотелось обсудить случившееся хоть с кем-то.

Я прилегла на диван и закрыла глаза, но через две минуты встала, вспомнив, что можно было бы, прежде чем заняться ничегонеделанием, забросить шмотки в стиральную машинку.

Сказано, но не сделано, потому что вдруг обнаружилось, что все я постирала вчера вечером, но забыла извлечь из стиралки. Ну, конечно. Вчера, перед тем как уехать к Ленке, я как раз забила стиральную машинку своим барахлом. Покидая родной дом, решила, что вот вернусь из гостей и сразу же стану развешивать вещи. Но оно как-то отошло на задний план, а потом вообще забылось. Ленка, коньяк, болтовня обо всем сразу, позднее прибытие домой. О том, что чистое белье нуждается в моем внимании, я даже не вспомнила. Отправила Ленкин картофельный суп в холодильник, по-быстрому умылась, после чего нырнула в постель и забылась сном. Утром память ко мне не вернулась, и я только сейчас вспомнила о том, что нужно было сделать еще вчера.

Футболки, джинсы, нижнее белье и кухонные полотенца заняли свое законное место на сушке.

Подвинув ее поближе к окну, я задумчиво осмотрелась. Может быть, я еще о чем-то забыла?

Взгляд упал в сторону кресла. В том самом месте, где подлокотник прилегает к сиденью, я заметила яркое красивое пятнышко.

Спустя мгновение я держала в руке фиолетовый браслет, который совсем недавно мне продемонстрировала Виктория. Вероятно, он оторвался от связки ключей тогда, когда она отправила ключи в сумку. Оторвался и остался в кресле.

И как же теперь она без него? Штука-то важная и нужная. Виктория сравнила его с соба- чьим ошейником, и как бы издевательски это ни прозвучало, но определение было очень точ- ным.

Сонливость пропала. Нужно было вернуть вещь девушке, и сделать это стоило бы не откладывая.

На браслете был указан номер телефона. Вероятно, он принадлежал матери Виктории.

Я взяла в руку телефон, еще раз всмотрелась в цифры и уже была готова стучать пальцем по экрану, но кто-то вмешался в мои планы.

Разумеется, это был Кириянов.

– Освободился? – сразу же спросила я.

– Если бы.

В трубке было шумно. Подполковник явно был за рулем.

– И я тоже нет. У меня тут люди свои вещи иногда забывают. Должна вернуть. Разберусь с этим, а потом можем встретиться.

– Не, Тань, откладывается, – хмуро сообщил Кирия. – Теперь я не могу. Решил тебе отзво- ниться по-быстрому, потому что увидел несколько пропущенных.

Его тон не сулил ничего хорошего.

– Что-то случилось, Вов? Семья в порядке?

– В порядке. Но дел до фига.

– По работе?

– По работе.

– Я могу чем-то помочь?

Чтобы он принял мою помощь, требовалось время. Кириянов не всегда был рад тому, что я лезла в его дела. Впрочем, думал он недолго.

– Несчастный случай. Едем сейчас с ребятами. Женщина из окна выпала. Мне участко- вый прислал фото, от нее ничего не осталось. И летела-то недолго – с пятого этажа, а упала так неудачно, что от головы ничего не осталось. Так что, прости за то, что дернул.

– Ладно, ладно, – ответила я. – Спасибо за то, что предупредил. Но ты, если что, обра- щайся.

– Ага.

После этого я все-таки позвонила по номеру с браслета. На звонок никто не ответил. После пятой попытки я бросила это дело.

«И к чему давать номер человека, если он не отвечает? – подумала я. – А должен был отозваться с первого раза, ведь ребенок нездоров».

Придется тащиться к Виктории самой. Уж там мне точно дверь откроют.

Собралась я быстро, а добралась еще быстрее. Не знаю, почему Вика ехала ко мне около часа. Навигатор сообщил, что по адресу, указанному на браслете, я прибуду на место минут через пятнадцать. Он же заботливо предупредил меня об автомобильной пробке. Странное дело, но она располагалась прямо во дворе, среди домов.

Решив, что моя навигация тоже страдает от жары, я решила не подъезжать к нужному мне дому. Припарковалась неподалеку, в тенечке, и отправилась к Виктории пешком.

То, что навигатор принял за автомобильную пробку, на самом деле было скоплением автомобилей с опознавательными знаками, которые знакомы каждому. Несколько полицейских машин и «Скорая», между которыми затесалось такси, вот такой набор меня встретил.

Зародившееся тягостное предчувствие усиливалось с каждым шагом.

По мере приближения к ералашу до слуха стали долетать громкие возгласы, но кому они принадлежали – населению или представителям служб – понять было невозможно.

В какой-то момент раздался громкий женский крик. На него наложился другой женский голос. Вторая дама вещала властным тоном, видимо, уговаривая ту, которая закричала. Но

первая женщина ее не слышала, и крик повторился снова. Он был воющим, безысходным. Так кричат не от испуга.

Здесь произошло что-то страшное. И страшнее всего, что я пока что увидела, было то, что все происходило около дома, в который мне предстояло попасть.

Я не видела, что там творилось. Кроме машин во дворе стояли люди, которых было очень много. В основном это были те, кто затрудняет работу, потому что часто из-за массы зевак невозможно развернуться на машине и срочно отправиться, например, в больницу. Народ расходится неторопливо, как бы показывая, что тут он у себя дома, а все остальное его мало касается. И скорость передвижения он увеличивать не будет, потому что не приучен враспылять-то. Но, слава богу, подобные пребывают в меньшинстве. Большая часть готова помочь связью, советами, влажными салфетками или свидетельскими показаниями. А некоторые натурально пытаются расчистить проезжую часть для проезда той же полиции.

– Ма-а-ам! Ма-а-а! А-а!

Снова этот крик. Я почти что врезалась в толпу и больно задела локтем какого-то мужика в белой рубашке.

– Простите! – прижала я руку к груди. – Это я случайно.

Мужик обернулся и смерил меня тяжелым взглядом.

– А ты чего здесь забыла? – спросил он.

Со спины Кирьянова узнать было сложно. К тому же он находился за спинами других людей. Разумеется, я не успела его опознать.

– Я приехала по делу, – ответила я. – Та девушка, которая ко мне сегодня приходила, забыла у меня свою вещь.

– Покажи.

Он протянул руку, обтянутую медицинской перчаткой. На пальцах темнели кровавые разводы. Внутри все оборвалось.

Чертыхнувшись, Кирьянов сорвал перчатку с руки.

Я достала из сумки браслет и положила на его ладонь.

Наша встреча на минуту отвлекла меня от причины сборища. Правда, кое-что я уже знала наверняка. Недавний разговор с Кирьяновым, его слова о женщине, выпавшей из окна, вызов на место происшествия. Значит, несчастный случай произошел тут.

– А кто так кричал? – спросила я у подполковника. – Родственники?

Он не ответил.

– Этот браслет, говоришь, у тебя сегодня забыла клиентка?

– Да.

– Фамилии совпадают. Погибшая носила такую же, которая указана на браслете – Соломко. Только ее звали Елена.

– А мою клиентку – Виктория.

– Не она?

Кирьянов отошел в сторону. И я увидела Викторию. Она сидела прямо на земле, уронив на колени руки. И на ней не было лица.

Глава 2

– Ее сразу узнали. Елена Соломко, сорока пяти лет. Жила вдвоем с дочерью. Спокойно жили, ни в чем замечены не были. О них в принципе отзываются нейтрально. Те, кого успели опросить, в один голос заявляли, что погибшая близко ни с кем не общалась. Ладно. Похоже, у нас опять какая-то совместная фигня намечается. Отойду. Вечером созвонимся. Но я тебя прошу, Тань, не сильно усердствуй.

– А когда я?...

– Ну, было дело, было, – примирительно сказал Кирьянов. – Просто соблюдай дистанцию. А то у людей произойдет разрыв шаблона. Не поймут, к кому нужно обращаться: к частному детективу или к представителям закона.

Я кивнула. Само собой разумеется, что если наши с Вовкой пути пересекались, то я не лезла вперед. Но на деле выходило иначе. Он был «фасадом», за которым огромную часть работы делала я.

На асфальте темнело влажное пятно. Оно располагалось прямо под окнами дома.

Я задрала голову и не поняла, из какого окна выпала женщина. Половина окон из-за жары были открыты. Из некоторых выглядывали жильцы. Земля под окнами была плотно утоптана до такой степени, что никакой самый упорный росток не смог бы ее пробить.

О доме стоило рассказать отдельно. Он был старым, и, судя по тому, что другие дома тоже не выглядели современно, власти решили не подвергать этот район реновации. Просто привели дома в порядок, насколько это было возможно. Высота потолков в квартирах составляла почти четыре с половиной метра. Плюс толщина перекрытий и размашистые лестничные пролеты. М-да, шансов выжить у Елены не было.

Но меня больше заботила Вика. Рядом с ней на коленях стояла женщина лет сорока пяти в малиновом пиджаке и черной юбке. Она тихо что-то говорила девушке, гладила ее по лицу, по голове, по плечам. Словно смахивала с нее что-то. Я не слышала, что она внушала Виктории, но, когда та, будто бы в очередной раз увидев перед собой какой-то ужас, издала гортанный вой, я второй раз за день ощутила мурашки.

– Это она, Вов, – подтвердила я. – Девушка, которая кричит. Виктория Соломко.

– Дочь погибшей, – резюмировал Кирьянов. – Приехала сюда одновременно с нами. Что тут было – не передать словами. От тела не отгашить было. Пришлось нацепить перчатки и вчетвером ее в сторону отволакивать.

– Господи...

Женщина в малиновом пиджаке поднялась с колен, нашла взглядом Кирьянова и направилась напрямик к нему, на ходу отряхивая юбку.

– Вы тут главный? – спросила она, подойдя к нам.

– Подполковник... – начал было Кирьянов, но женщина протянула ему руку.

– Грузанкова Нина Тимофеевна, – представилась она. – Лечащий врач Виктории Соломко. Вы ее собираетесь допрашивать?

Она разговаривала таким тоном, словно заранее хотела предупредить, что с ней шутки плохи и ни на какие компромиссы она не пойдет.

– Нет, мы ее не будем допрашивать, – спокойно ответил Кирьянов. – В таком состоянии от нее мало толку. Врачи ею займутся.

– Не нужно никаких врачей, – жестко произнесла Нина Тимофеевна. – Я сама ей помогу.

– Простите, но с какой стати? – поинтересовался Кирьянов.

– Мы с Викой давно знакомы, – отчеканила Грузанкова. – Она состоит на психиатрическом учете с семи лет. Я наблюдаю за ней долгие годы. Знала ее маму...

Она посмотрела в сторону «Скорой», в которой, видимо, находилось тело несчастной Елены Соломко.

– Я могу предоставить все документы, касающиеся состояния моей пациентки. Разумеется, по официальному запросу. Историю болезни, мои записи наблюдений за ее состоянием в разные годы, рецепты, карточку учета. Девушку я хотела бы забрать с собой. Как вы уже сказали, от нее мало толку.

Кириянов колебался. Но выходило так, что мне было известно о Виктории поболее, чем ему.

– Отойдем в сторонку, – попросила я.

– Минуту, – попросил он Нину Тимофеевну.

Она тут же вернулась к Виктории.

Мы отошли буквально на пару шагов. Этого расстояния вполне хватало для того, чтобы нас никто не слышал.

– Она рассказывала мне о том, что всю жизнь лечится у этой Нины Тимофеевны, – подтвердила я слова Грузанковой. – Вику все равно отправят в больницу, ты же понимаешь. Не лучше ли ей будет, если рядом окажется человек, которому не нужно ничего объяснять?

– Я этого человека впервые вижу, – не согласился Кириянов.

– Кстати, а как она здесь оказалась?

– Мы приехали буквально на пару минут раньше, – ответил Кирия. – А после нас на такси прибыли дочь потерпевшей и эта женщина. И началось.

– Значит, Вика зачем-то встречалась с Ниной Тимофеевной после того, как мы расстались. А потом Нина решила привезти ее домой.

– Я не знаю, кто она такая, – не сдавался Кириянов. – Нина Тимофеевна Грузанкова, психиатр, знакомая Елены Соломко и лечащий врач ее дочери. И все это только на словах.

– Для кого удобно, Вов?

– Не могу пока ничего сказать. Чувствую, что слишком много каких-то совпадений. Все это нужно проверить, а на это необходимо время. Уж слишком складно все выходит.

И не поспоришь ведь. Порядок есть порядок, всему нужно подтверждение. Просто так в чужие руки девушку отдавать нельзя. Правда, руки были не чужими. К тому же я была солидарна с Кирияновым. Что-то в визите Вики ко мне и последующей смерти ее матери смущало.

– Послушай, Вов, но ведь Виктория не имеет к смерти Елены никакого отношения. Она даже дома не была в тот момент, когда случилась беда. Что она может знать? Но даже если она что-то и знает, то не в состоянии общаться с полицией, перетирать детали случившегося. Она даже протокол подписать не сможет. Вова, она не услышит ни тебя, ни кого-то из медиков или оперов. А вот Нине удалось ее успокоить – смотри, больше не кричит. Знаешь, я видела таблетки, которые она принимает. Это серьезный препарат.

– Где ты их видела? У Вики?

– Она при мне достала упаковку из сумки и приняла пару штук. Тут многое сходится в пользу Грузанковой. Вика о ней очень хорошо отзывалась. Рассказала мне о том, что действительно больна. О лечении, об ощущениях. Нина сейчас подтвердила ее слова. Они действительно давно знакомы, они не чужие друг другу люди. Думаю, Грузанковой можно доверять. Только узнай место, куда она увезет Викторию, и все. Пробей клинику по своим каналам прямо сейчас, уточни, есть ли там психиатр с такой-то фамилией. Я просто уверена, что ты обнаружишь Грузанкову в штате, и вполне официально.

Кириянов не любит получать советы. Даже в качестве подарка. Но я научилась давать их ему в очень удобной форме: никакой снисходительности в тоне, никакого давления, а еще просящий взгляд и тщательно подобранные слова. Правда, через раз, но работает.

Сейчас – сработало. А все потому, что я была права, и Кирия в глубине души с этим был согласен, хоть и не показывал виду.

– Стой тут, – приказал он и пошел к машинам.

Люди стали потихоньку расходиться. Интересного уже не осталось. Вика не плакала, не выла. Эксперты, собрав нужный материал, уже упаковали анализы. Откуда-то появился дворник с ведром песка и стоял в сторонке, терпеливо ожидая конца сходимки. Потом, когда Вику увезут, а полиция и «Скорая» отправятся по своим делам, он опорожнит ведро прямо на кровавое пятно, но за его действиями все равно будут наблюдать, а кто-то даже вспомнит, что когда-то сталкивался с похожим ужасом. А через несколько дождей никаких следов этой нелепой смерти на асфальте не останется.

Я встала неподалеку от Виктории и Нины Тимофеевны. Они все так же сидели на земле, женщина обнимала Викторию за плечи. Ее рот не закрывался.

Наши с Ниной Тимофеевной взгляды встретились. Но ни она, ни я не изъявили желания начать разговор. При Вике делать этого было нельзя.

Из-за спины вышел Кирьянов.

– Психиатрическое отделение в центральной городской больнице, – негромко сообщил он. – Нина Тимофеевна Грузанкова там заведующая. Работает почти двадцать лет.

– Вот и славно, Вов. Правда?

Нина Тимофеевна смотрела на нас в ожидании ответа. Одной рукой она непрерывно гладила Вику по плечу.

Кирьянов подошел к ним и присел на корточки.

– Можете выдвигаться, – разрешил он. – Но если нам понадобится побеседовать с вашей пациенткой, то вы обязаны обеспечить нам такую возможность.

– Обещаю сделать все, что в моих силах, – произнесла Нина Тимофеевна. – Однако скажу сразу, что если ей не станет лучше или состояние будет пограничным, то я откажу вам. Придется подождать.

– Я понимаю, – согласился Вовка.

– Позвольте, я объясню, – продолжила Грузанкова. – Если она не стабилизируется, то ваши разговоры с ней могут быть идентичны приказу отправиться в жаркий день на пляж человеку, с которого содрали кожу. Понимаете, о чем я?

Вика охнула и закрыла глаза. Она мало что понимала.

Было похоже, что ее организм бросил все силы на то, чтобы помочь ей выжить. Он как будто бы загнал ее сознание в состояние «куколки», запеленав его так туго, чтобы девушка не смогла осмыслить происходящее.

– Вот так выглядит безумие, – едва слышно, но с напором произнесла Нина Тимофеевна. – Но она сильная. Она придет в себя. Эта девочка пока еще в своем уме, хоть и не понимает этого. Выглядит так, словно в нее влили бутылку самогона. Это – последствия. Я не отдам вам ее. Не сейчас.

Кирьянов распрямился и вытер взмокший лоб. В воздухе стояло марево. Небывалая жара для наших мест.

– Вам выделить машину? – спросил Кирьянов.

– Нет, – покачала головой психиатр, – мы на такси.

– То, на котором вы приехали, уже не догнать, – пробормотал подполковник.

– Понятное дело. Ничего, вызову другое.

– Нужна вам какая-то еще помощь? – растерялся подполковник.

– Например? – усмехнулась Нина Тимофеевна.

– Не знаю.

– Вот и я не знаю, – отрезала Нина Тимофеевна.

Я тронула Кирьянова за плечо и поманила за собой. Мы медленно пошли в сторону полицейской машины.

– Останусь тут, – сообщила я. – Похожу, посмотрю, поговорю. А вечерком свяжемся, хорошо?

– Ладно. Блин, чувствую себя каким-то идиотом.

– Ты чувствуешь себя так потому, что психиатр слишком заносчиво себя ведет. Не бери в голову. Главное, что Вика с ней будет в безопасности. Контакты ее взял?

– Вот черт, совсем из головы вылетело...

Все. Я осталась одна. Подполковнику снова пришлось общаться с Ниной Тимофеевной, и я не горела желанием находиться рядом. Мне тоже было неудобно. Грузанкова имела дело с непростыми пациентами, и работа наверняка значительно прокачала некоторые черты ее характера. Нина Тимофеевна показалась мне человеком жестким и не жалующим компромиссы. С такими людьми всегда сложно общаться. К тому же она заведовала психиатрическим отделением, и руководящая должность, вероятно, заставляла ее быть властной и после окончания работы. «Профнастил» какой-то.

«Скорая», с трудом развернувшись между домами, уехала. Полицейские сновали туда-сюда, но суматохи уже не было.

Я поискала взглядом Кирию и увидела его садящимся за руль машины.

Место происшествия все еще привлекало прохожих, но их уже было меньше. Очевидно, тот, кто видел, как Елена Соломко выпала из окна, уже всю делились подробностями случившегося с соседями.

Я пошла к своей машине. Мимо проехало такси. Я посмотрела ему вслед. Очевидно, на нем Вика отправится в больницу.

Как же все-таки правильно – иметь рядом того, кто не отойдет от тебя в самые страшные минуты. Но только в том случае, если тебе действительно необходима поддержка. Просто кто-то, попав в сложные жизненные обстоятельства, предпочитает оставаться в одиночестве. Потому что только так ты сможешь сделать невозможное.

* * *

Я села в машину, достала из бардачка бутылку воды и выпила сразу чуть ли не половину. Вода была теплой, но плевала я на это. Пить хотелось давно, жажда была сильной, и, даже общаясь с Кирьяновым и отвлекаясь на наше дело, я не могла избавиться от желания накатить ведро чего-нибудь живительного. Кваску, например. Или холодного морса без сахара. Минералку. Ледяной чай.

Ладно. Теплая вода совсем неплохой вариант.

Отдышавшись, я закурила. Вот теперь можно и мозгами пораскинуть.

Ситуация была абсолютно киношной. К частному сыщику приходит девушка, жалующаяся на то, что голоса в голове приказывают ей уйти из жизни. Но девушка не хочет, и не потому, что ей нравится такая жизнь. Напротив, она очень устала находиться под медикаментозным кайфом. И она бы, наверное, прислушалась к голосам, но ей жаль маму. Мама для нее много значит. Маму она любит. Сочувствует ей, жалеет ее. И считает себя виноватой в ее тяжелой жизни.

Сыщик предполагает, что никаких голосов в ясной девичьей головешке не существует, что, конечно же, подтверждается ее рассказом о том, что она по жизни не в себе. Таблетки тому подтверждение.

Уяснив, что понятного в исходных данных мало, а сама девушка с трудом выражает свои мысли, сыщик решает свернуть диалог. Девушка уходит, тем не менее не забыв попутно выронить именную браслет с указанными на его внутренней стороне контактами.

Сыщик решает вернуть шутовину. Но что же он видит, когда прибывает по адресу, считанному с браслета? Все верно, он оказывается в фильме ужасов. Горячо любимая мать

девушка выпала из окна и подняться на ноги уже никогда не сможет. По воле злого случая девушка оказывается под окнами своего дома сразу же после трагедии. Уже вызваны полиция и медики, но ничего исправить нельзя.

Вика прибывает на место ужасного происшествия не одна – с ней рядом бессменная «душехранительница», которая никого не подпускает к девушке. Последняя, кстати, быстро теряет рассудок.

Что имеем? Черт-те что, вот что. И недаром Кирьянову вся эта ситуация показалась какой-то странной. И это он еще всего не знает.

Громкий стук в окно заставил меня выронить сигарету себе на колени.

Я ринулась ловить ее, ударилась головой о руль и чуть не сорвала спину, когда согнулась. Но беды не произошло. Сигарету я нашла под педалью газа, а потом решительно повернулась к окну.

– Что случилось?! – рявкнула я и рывком открыла дверь.

Человек, который меня испугал, поспешно отступил назад и правильно сделал, потому что автомобильная дверь иногда может представлять опасность для жизни.

Это был высокий мужчина лет пятидесяти, одетый в клетчатую рубашку с закатанными до локтя рукавами и джинсовый комбинезон. Необычный для времени и места ансамбль был удачно дополнен кепкой и громоздкими рыжими ботинками. Ну, прям американский фермер, только пейзаж для него не подходящий. Нет за спиной бескрайнего кукурузного поля, в центре которого непременно должен быть небольшой домик со стоящим рядом трактором и примыкающим к дому приземистым коровником.

Мужик выставил вперед руки, словно защищаясь. Тоже верный ход, ибо я собиралась гневаться.

– Я не поняла! Я что, припарковалась на вашем месте? Вроде бы нет. Тут вообще парковка запрещена, но вы этого не докажете – никакого запрещающего дорожного знака я не увидела. Или что там я сделала не так? Переехала вас? В каком месте?

На самом деле я очень редко наезжаю на людей первой. Обычно жду атаки с другой стороны, и терпения мне не занимать. Но в некоторых случаях просто необходимо расставить все точки над *i* до того, как начнутся наезды.

– Да я ничего такого и не утверждал.

Он отступил на шаг назад.

– А что тогда?

Мужчина решил приблизиться.

– Я вас видел... там.

Он оглянулся и посмотрел в сторону, где случилась трагедия с Еленой Соломко.

– Да, я там была.

– Заметил, что вы общались с полицией, – продолжал мужчина.

– И что?

– Вы вместе с ними?

– В каком смысле?

Мужик потоптался на месте.

– Я Горелов, – представился он. – Председатель домового комитета.

Минуту назад я ненавидела этого человека. Так бывает, если кто-то тебя резко напугал. Потом проходит.

Своим внезапным появлением Горелов сбил меня с мыслительного пути, из-за него я еще чуть машину не спалила. Откуда он вообще взялся? Шел за мной следом от места падения пострадавшей? Зачем?

Избавившись от потухшей и сломанной в двух местах сигареты, я протянула руку.

– Татьяна Иванова, частный детектив.

– Ого.

– Ага, – устало подтвердила я, – так что вы хотели?

– Поговорить.

– О чем?

– О Елене. Я видел вас возле дома, вы разговаривали с главным, и подумал, что вы, наверное, тоже из полиции.

– Проследили, куда я отправилась с места происшествия? – усмехнулась я. – Шпионили?

– Шпионаж не приемлю, – ответил Горелов. – Просто видел вас, когда вы приехали. Здесь действительно нельзя парковаться. Знака нет, но ментов это мало волнует.

– Извините, но я не понимаю... – начала я.

– Я объясню, – сказал Горелов. – Меня не было... там, когда все случилось. Я как раз возвращался домой. Кстати, шел позади вас. Мы пришли к дому одновременно. А потом разошлись в разные стороны, что, конечно, понятно. Как я уже сказал, я председатель домового комитета. Меня тут же допросили... или поговорили, ведь я никаких бумаг не подписывал.

С одной стороны, его рассказ был простым и понятным, а с другой – мне потребовались уточнения.

– Кто с вами разговаривал? – не поняла я. – Кто-то из полицейских?

– Да. Он вел себя довольно высокомерно. Но я не знаю фамилии сотрудника. Не запомнил. Или не услышал.

«Скорее всего, не ты не запомнил, а сотрудник не стал представляться, – догадалась я. – Значит, не Кирьянов. Он себе такой халатности не позволяет. И он совсем не хам».

– Спустя время я заметил вас рядом с подполковником Кирьяновым, который, в отличие от своего коллеги, был со мной вежлив, – продолжал Горелов. – И вы с ним явно давно сотрудничаете.

– Ни фиги себе вы людей считываете, – с уважением заметила я. – Да, мы давно знакомы. Но, вы меня извините, пожалуйста, а к чему это все? К смерти Елены это не относится. Или я не права?

Председатель со мной не согласился.

– Вы ошибаетесь, – мягко возразил он.

Шумно вздохнув, он снял кепку и взъерошил волосы.

– Я уточнил этот момент не просто так. Вы частный детектив, но тоже оказались на месте происшествия. Если частный детектив и полиция оказываются на месте преступления в одно и то же время, то, скорее всего, их интересы совпадают. И я вот что хочу сказать вам...

– Татьяна, – напомнила я.

– Я думаю, что мог рассказать вам кое-что о Елене.

Он не походил на одного из тех назойливых свидетелей, отличающихся излишним любопытством. И на сплетника не тянул. Было в нем что-то такое, что располагало к нему, несмотря на то что наше знакомство изначально было направлено на конфликт, пусть даже и односторонний.

– Как мне к вам обращаться? – спросила я.

– Просто Егор.

– Минуточку.

Я вернулась в машину, взяла сумку и незаметно включила диктофон. Неизвестно, как скоро председатель Егор Горелов озвучит интересные факты. Лучше подстраховаться.

* * *

Он пригласил меня в гости. Сказал, что ему срочно нужно выпить. Сам-то он не злоупотребляет, но сегодня можно.

Общаться с подвыпившим человеком, пережившим стресс, не хотелось. Но что-то подсказывало, что разговор состоится. Что все будет хорошо.

К концу нашего недолгого пути Горелов сумел расположить меня к себе, несмотря на то что по дороге очень мало говорил. Он сообщил, что работает управдомом уже десять лет, а Елену знает уже лет двадцать.

Чувствовалось, что случившееся придавило его, а поговорить было не с кем. Нам встретились какие-то люди, с которыми он поздоровался сам и, остановившись на минуту, сказал им, что субботник переносится на неделю, а инвентарем он постарается обеспечить всех.

Соседи не сводили с него глаз, бросая заинтересованные взгляды в мою сторону.

Его квартира располагалась в первом подъезде.

Кровавого пятна на асфальте уже не было. Как я и предполагала, от него моментально избавились, засыпав кучей мокрого песка.

Горелов, проходя мимо, даже глазом не моргнул.

Подъезд оказался чистым, с незамысловатым ремонтом. Горелов пропустил меня вперед.

– Нам на второй этаж.

Я стала подниматься. Квартира Егора была справа.

В нее он тоже пригласил меня зайти первой. Бросил ключи на полочку, простер руку куда-то в сторону.

– Проходите налево.

– Там комната? – зачем-то уточнила я.

– Нет, комната прямо. Мы на кухню, если вы не против. В комнате... не хочу. Я не ждал гостей.

Кухня казалась совсем крохотной.

Пока суд да дело, я быстренько оценила окружающую обстановку. Судя по всему, Егор жил в одиночестве и не шиковал в финансовом плане. Везде был спартанский порядок. Ничего лишнего из того, что создает уют, я тоже не увидела. Пустые стены. На столе трехлитровая банка с солеными огурцами. Кухонное полотенце аккуратно разложено на поверхности батареи. Ни грязной тарелки с тараканами на ней, доедающими остатки новогоднего оливье, ни пустых водочных или пивных бутылок под столом, ни слоя многолетней грязи под ногами. Мебель недорогая, но стильная.

Егор шагнул к окну и распахнул его настежь. На кухню ворвались звуки детского смеха.

– Холодильник у меня в комнате, потому что не помещается на кухне, – извиняющимся тоном сказал он. – Купил вместо старого, который был поменьше, а размеры как-то не учел. Я принесу сейчас что-нибудь закусить.

Он исчез в коридоре. Я даже не успела предупредить, что ни пить, ни закусывать не буду.

Кричать ему вслед я не стала. Пусть несет все, что ему нужно, и делает все, что хочет. По ходу разберемся.

Пока он отсутствовал, я вспомнила его слова о том, что он давно был знаком с Еленой. Ее внезапная смерть подкосила его, это было видно невооруженным взглядом. Но он не уточнил, какие именно отношения были между ними.

Если брать за основу его реакцию на случившееся, то они не враждовали. Один враг, узнав о гибели другого, скорее всего, вел бы себя несколько иначе, источая нервозность, суевливость, был бы возбужден. Горелов же ведет себя по-другому. Держит спину ровно.

Но о чем это я вообще? Психологи грызут гранит своей науки десятилетиями. Реакция на стресс у пациентов может сильно порвать шаблоны. Истерик в обычной жизни может в трудной жизненной ситуации обнаружить, что нервы у него будут покрепче, чем у многих других. А спокойный и рассудительный прежде человек, получив удар судьбы, наоборот, может поехать крышей.

Горелов снова удивил. Вместо ожидаемых миски с холодными котлетами или груды помидоров он принес поднос, который показался довольно тяжелым. На нем хозяин сумел расположить огромное блюдо с колбасной нарезкой и тремя видами сыра. На краю блюда покоились помидоры черри и пучок рукколы. Хлеб, нарезанный длинными брусками, был подан в широком толстостенном стакане. Также на подносе я увидела пакет гранатового сока, пару хрустальных рюмок и столовые приборы. Сервировку венчал графин с жидкостью малинового цвета.

Я отодвинулась, придерживая руками табуретку, на которой сидела.

Егор опустил поднос на стол, профессионально выгрузил его содержимое и внимательно стал его разглядывать.

– Вроде бы ничего не забыл, – пробормотал он как раз в тот момент, когда у меня возникли вопросы.

Он сел рядом и сразу же наполнил рюмки.

– А что это такое? – поинтересовалась я.

– Домашнее вино. Подарок от благодарных жильцов. Из пластиковой канистры перелил в графин, а то некрасиво в канистре-то.

– Вы даже не спросили, буду ли я пить вместе с вами, – заметила я. – Отвечу сразу. Не буду.

Егор не смотрел в глаза. Он сидел, тяжело опираясь на локти, которые, не заботясь о приличиях, положил на стол. Его взгляд блуждал по угощению, о котором он позаботился с такой любовью.

– Как хотите. А я выпью. За Елену.

Если посмотреть на то, как именно человек употребляет спиртное, то можно понять, есть ли у него с этим проблемы. Иной зависимый от алкоголя человек уже четко знает, как себя вести. Глаза загораются еще при мысли о... И локоть в сторону отведет, чтобы было удобнее, и заранее оценит возможность не пронести мимо рта вилку с наколотой на нее шпротинкой. Любую емкость, будь то бокал для вина или фужер для шампанского, не подносит к губам, а опрокидывает в себя. Конечно, я могла ошибаться, но подумала, что Егор к такому слою населения не принадлежит.

Он вообще не переставал удивлять. Прежде чем помянуть погибшую, он поднял рюмку до уровня глаз и отсалютовал открытому окну.

– За тебя, – произнес он.

Я поняла, к кому он обращается. Вина в рюмке осталась ровно половина. К еде Горелов даже не притронулся. Достал сигареты. Потянулся, чтобы, не выходя из-за стола, взять пепельницу, стоявшую на симпатичной деревянной полочке с приправами. Закурив, шумно вздохнул.

– Из чего вино? – спросила я.

– Из канистры, – холодно ответил Горелов.

– Налейте.

Он послушался. Вино оказалось совсем легким и имело терпкий привкус.

– Малина и клюква, кажется, – догадалась я.

– А вы знаете толк в самогоне, – прищурился Егор.

– Вовсе нет, – призналась я, – просто очень узнаваемо.

– Вы же не хотите пить.

– Я и не буду. Попробую.

– Решили поддаться, чтобы узнать как можно больше? К пьяному подобраться легче, если тоже притвориться пьяной, я не ошибаюсь? Не нужно, Таня. Мне нечего скрывать.

Нет, он мне определенно нравился. Горелов был весь как на ладони. Что чувствовал, то и говорил. И живет один, что мне было очень даже на руку, потому что не станет испуганно

оглядываться и выбирать слова – при свидетелях такое часто происходит. Но мы-то сейчас одни. И несмотря ни на что, я не могла не воспользоваться моментом.

– Егор, вы хотели рассказать о Елене, – напомнила я, отставляя рюмку. – Во-первых, скажу сразу, что у меня не было мысли как-то напоить вас и выведать что-то, о чем вы не хотите разговаривать. Во-вторых, не я напросилась к вам, вы меня пригласили. И предложили поделиться. Чем же?

Горелов бросил на меня короткий взгляд. Спорить не стал. Оправдываться не стал. Опять плюс в его досье – не пытается откеститься от сказанного.

– А документы у вас есть? – спросил он.

– Конечно, – спохватилась я и достала удостоверение.

Он тщательно его изучил, разве что на зуб не попробовал. Но после вдруг резко потерял к нему интерес.

– И давно вы сыщик? – спросил он, снова наполняя рюмку.

– Давненько, – вздохнула я. – Кое-что могу.

– И образование есть?

– Конечно. Профильное. Когда-то работала в органах. И опыт имеется. Руку набила, не сомневайтесь.

– Я подозрительный человек, – завершил допрос Горелов. – И тоже когда-то носил погоны. Бывал в горячих точках.

Я напряглась. Надеюсь, Горелов не из тех, кто, приняв на грудь, начинает отрабатывать на собутыльнике болевые приемы. Нужно напомнить, зачем мы все здесь сегодня собрались.

– А потом ранение, госпиталь, инвалидность. Попал в тот самый замес, когда страна переживала трудные времена. Многие из наших полегли не на войне. Огромное количество просто не выдержало того, что им приготовила мирная жизнь.

Ну все, понесло. Или нет?

– Ваш знакомый Владимир Кирьянов... или коллега? Как лучше его называть?

– Как вам удобно, – разрешила я.

– Тогда пусть будет коллега. Я ведь сам к нему подошел, когда все случилось. Может быть, ко мне и не возникло бы интереса, но я решил, что должен, – продолжил Горелов. – Увидел, что он всем распоряжения дает, и решил, что представлюсь.

– А где вы были в момент, когда все случилось?

– Возвращался из магазина.

Я вспомнила, что при нашей встрече его руки были пусты. Купил что-то небольшое? Пачку сигарет? Лекарства?

– Заскочил долг отдать, – угадал мои мысли Горелов. – Полсотни в прошлый раз не хватило, сказал, что позже занесу. А до этого работал. Вообще-то мое рабочее место прямо здесь, – Егор стукнул ладонью по столу. – И там, – он показал в сторону окна. – Дом и двор. Но в основном, конечно, занимаюсь хозяйственными вопросами.

– Значит, все хозяйство на вас.

– И дворовое, и приусадебное, и прочие дела. Так вышло. А с Еленой мы знакомы очень давно. Я переехал сюда после смерти матери, а до этого жил у нее в деревне. Мать умерла, я продал дом, купил здесь квартиру. И почти сразу же стал домоуправом. Прежний председатель вообще ум растерял на тот момент. Бухал, орал под окнами и очень редко изображал хоть какую-то трудовую деятельность. Пришлось объяснить ему пару раз политику. А потом я сам пришел в ЖЭК и предложил себя на его место. Взяли сразу, потому что работа неблагодарная, деньги маленькие, а нервничать приходится часто. В принципе, меня в этом доме уже давно за главного решальщика всех проблем принимали. Я тут и слесарь, и токарь, и дворник. А организация и планирование мне как дети родные – я же из армии майором ушел.

Вот оно что. Горелов, оказывается, жертва перестройки. Наверное, когда-то у него была семья, но человек, побывавший на войне, говорят, прежним уже никогда стать не сможет. Возможно, в одиночестве он чувствовал себя лучше, чем с детьми и женой.

– У Елены тогда еще были живы родители. И муж у нее был, а дочке исполнилось примерно пять лет, не помню точно. И я, так получилось, всегда оказывался рядом. Сначала умер ее отец – я помог с похоронами. Следом за ним ушла мать Елены. Опять все сделал. Хорошие были люди. Спокойные, вежливые. Когда-то жили в Москве.

– А где в эти моменты был муж Елены?

– А этот червяк ползал где-то, – горько усмехнулся Горелов. – Я редко с ним пересекался, но могу сказать совершенно откровенно, что видел его крайне редко, и это при том, что Елену часто навещал. То у них засор в туалете, то новую мойку надо привинтить, то шкаф собрать. Я им помогал. Она просила – я помогал. А мужа ее никогда рядом не было. Так, изредка сталкивались на улице, я еще думал: «Что же ты, скотина, мотаешься где-то? У тебя тесть еле ноги передвигает, теща золотая, девчушка-дочка такая красивая, жена тоже...».

Он махнул рукой и снова прикурил сигарету.

– Он пропал потом. С концами. Это когда уже ее родители умерли. Она с дочкой постоянно возилась, Вика была нездоровая все время, сколько я ее знаю. Как-то я сам пришел к Елене и спросил ее, чем помочь. Мало ли. Она же скромная была, краснела каждый раз. А она расплакалась. Тогда-то я и узнал, что ее «огрызок» кинул семью через хер, и теперь Елена и Вика остались совершенно одни. Я видел его после, спустя месяца три, наверное. Издалека, поддатого. Прошел мимо. Елене я ничего не рассказал. Но именно в тот день я понял, что на многое для нее готов.

Вот оно что. Горелова не просто потряс факт смерти Елены. Он любил ее.

– Семьи у меня никогда не было, – опроверг он мои домыслы. – Знаете, это когда ты сначала пытаешься быть как все, а потом понимаешь, что не выходит. Замыкаешься, и все. Я не искал того, кто меня полюбит, всего такого переломанного. Я же инвалид, у меня пенсия – страшно было себе такое представить в молодости, но в итоге к этому и пришел. Конечно, я пытался построить какие-то отношения, но дальше флирта ничего не шло. До встречи с Еленой лет семь, наверное, был один. А как увидел ее, то понял, что попытался бы снова. Но она тогда была еще замужем. Поэтому пришел я к ней и с порога сказал, что люблю. И ее, и дочку.

Он замолчал и стал внимательно изучать тлеющую в руке сигарету.

– Отказала? – едва слышно спросила я.

– Ну, хотя бы скалкой не наварила, – улыбнулся Горелов. – Объяснила, что не хочет больше ни с кем. Ни с кем и никогда.

– А вы?

– А я понял. Её – понял.

Вот и еще одна трагедия. У Горелова не жизнь, а сериал. Тут тебе и боевик, и драма, и психология. Впрочем, у Елены тоже судьба трудная. Хотя, у кого из нас не наберется сумка с пережитым? У кого-то больше, у кого-то меньше.

– Вот я вам сейчас зачем-то все это говорю, – покачал головой Егор, – а ведь мы знакомы всего-то полтора часа. И вам не это хочется услышать.

– А что же мне нужно услышать?

Егор затушил сигарету и заново наполнил свою рюмку.

– За Елену. В память о ней, – повторил он и выпил.

Я не стала следовать его примеру.

Горелов оставил рюмку и закашлялся.

– Подполковник ваш задал мне несколько вопросов, – отдышавшись, сказал он, – и они были самыми обычными, он и без меня узнал бы состав семьи, адрес или что-то похожее. Но я не сказал ему самого главного, и эта мысль появилась у меня в голове только после того, как

полиция уехала. Я увидел вас, пошел следом и не ошибся, потому что вы тоже имеете какое-то отношение к этому делу.

– Да, я же сказала, что мы с Кирьяновым работаем вместе, – ответила я.

О сегодняшнем визите Виктории я предпочла умолчать. Ни к чему знать Горелову о том, с какой целью она ко мне приходила. Но он хотя бы подтвердил, что она нездорова с самого детства.

– Мы с Еленой часто общались, – понизил тон Горелов. – Нет, не для этого самого. А то подумаете еще. Я не представлял, что мы можем только для секса... нет. Но мы сблизились, даже дружили. Она меня познакомила со своей подругой, довольно интересная личность.

– Подруга? Лучшая?

– Близкая, – уточнил Горелов. – Но вообще я у Елены особо друзей не видел. Не замечал, чтобы к ней кто-то толпами ломился.

– А телефон подруги можно?

– На ваше счастье, он у меня есть. Юлия Ветрова. Я ей помогал стенку собирать. Тоже без мужика живет...

Егор полез в мобильник и вскоре протянул его мне.

– Спишите сами, чтобы не ошибиться.

Телефон Юли был тут же занесен в память.

– Елена не особенно распространялась о своем детстве, – продолжил Егор. – Знаю только, что ее родители были обеспеченными людьми, но все это осталось в Москве, откуда они по какой-то причине уехали. Но кое-что из детства Елена вспоминала. Например, тот факт, что она серьезно увлекалась акробатикой. Участвовала в соревнованиях и забросила спорт только по причине беременности.

Он в ожидании уставился на меня. А я не понимала, чего он ждет.

– Не доходит? – спросил Горелов.

– Ну, почему же, уже дошло, – ответила я. – Она профессиональная спортсменка. Но как это относится к делу?

– Навыки, которые она поддерживала в течение долгих лет, у нее сохранились до самого конца, – продолжал намекать Горелов. – Акробатика – дело серьезное. Ты должен уметь правильно падать, правильно переворачиваться в воздухе, чтобы приземлиться, не сломавшись.

Ох, ты ж, мать моя. И как мне в голову не пришло раньше? Хотя нет. Не могло прийти, я же пока что собираю анамнез. И я бы обязательно догадалась, но Горелов опередил меня.

– Подполковник Кирьянов сказал, что она выпала из окна. Дом высокий, сами видите. Но акробат смог бы свести травмы к минимуму хоть как-то. Вам так не кажется?

– Думаете, что при падении она вполне могла бы сгруппироваться и даже выжить? – спросила я.

– Именно так, – подтвердил Егор, – но только в том случае, если она сама сделала бы прыжок. То есть заняла исходную позицию, «включила» мышечную память, рассчитала траекторию и прочее.

– Тогда это не было бы похоже на падение. Или травмы были бы менее серьезными, – предположила я. – Не забываем, что любой профессионал может ошибиться и дать маху на ровном месте.

– Нет, нет, нет, – замотал головой Горелов, – не ее случай.

– Но зачем ей показывать акробатические трюки таким способом? – не отставала я. – В этом же нет никакого смысла. Зачем сигать из окна?

– А она и не сигала, – перебил меня Горелов. – Ей помогли.

Я задумалась. Вот, значит, как. Вместо несчастного случая назревает даже не самоубийство, а убийство.

– Она могла поскользнуться, когда мыла окна, – предположила я. – Внезапно сорвавшись с высоты, любой мог бы растеряться.

– Я о том и говорю, – с нажимом произнес Горелов. – Ей незачем было сводить счеты с жизнью. Вчера она была счастлива. Мы виделись, и она сияла. А сегодня ее нет.

Несмотря на то что Егор выпил, он казался совершенно трезвым. Рассуждал здраво, а не как человек, который воодушевился, подогрев себя спиртным.

– Остается мойка окон, во время которой она оступилась, или что там еще? – спросила я. – Убийство? Вы предполагаете, что ее могли специально выбросить из окна? Или заставить это сделать?

– Да не мыла она окна! – выкрикнул Горелов, потеряв терпение от моей непроходимой тупости. – Не мы-ла! Она высоты боялась, как огня!!! Понимаете? Вот это я и не сказал вашему Кирьянову! И говорю теперь вам!

Глава 3

Впрочем, Егор вскоре успокоился. Извинившись и выслушав мои уверения в том, что я уже давно все забыла, он решил сменить вино на чай.

Жарища ушла спать. Наступило время теплого марева, которое вскоре должно было уступить место сумеркам.

– У вас есть ключи от ее квартиры? – спросила я.

– Откуда? – удивился Егор.

– На всякий случай, – предположила я. – Вы же дружили. Мало ли что?

– Дружили, но не до такой степени, чтобы я мог в любое время зайти в ее дом, – напомнил Егор.

– Значит, попасть к ней в квартиру невозможно?

– Ключи были у Вики, но она уже в больнице, – вспомнил он.

– Откуда вы знаете, что Вику увезли в больницу?

Мой вопрос Горелова нисколько не смутил.

– Я был неподалеку и слышал, как Нина говорила о клинике подполковнику Кириянову, – объяснил он.

Нина?! Я не ослышалась? Горелову известно, что Вика страдает целым букетом психических расстройств, но это можно объяснить тем, что он был частым гостем в доме погибшей Елены Соломки. Но Нину Тимофеевну-то он откуда знает?

– Какая такая Нина? – поинтересовалась я.

– Нина, и все. Не знаю фамилии, не знаю отчества. Это психиатр, лечащий врач Вики. Она навещала ее, нас однажды Елена познакомила.

– Понятно.

Блин, я могла бы сама догадаться. Но Горелов словно опережал меня на несколько шагов.

– Поэтому возможности попасть к Елене в дом у меня нет, – заключил он.

– Я поняла. Ничего, полиция вскрыет дверь. Обязательно. Там все равно нужно все проверить.

– Когда вскрыет?

– Скоро, Егор. Очень скоро.

Задумавшись, я взяла из стакана хлебную палочку и сунула ее в рот. Она оказалась соленой, с привкусом чеснока.

Значит, нет у Горелова доступа к нужной двери. Вообще-то вскрывать квартиру Елены могут совсем не скоро. А вдруг у нее на плите что-то готовилось, когда она упала?

– Егор, мне обязательно нужно попасть к ней в дом, – твердо заявила я и поднялась с табуретки.

Горелов смотрел на меня снизу вверх, и его взгляд выражал ужас и восхищение одновременно.

– Ладно, – пробормотал он. – А я при чем?

– Просто ставлю в известность. У меня с собой есть целый набор отмычек. Попытаюсь их использовать.

– А что вы там будете делать? – напрягся Горелов.

– Осматривать территорию.

– Обыск?

– Упаси, боже. Просто осмотрюсь.

– И я вам тоже там нужен?

Я осмотрела его с головы до ног.

– Сгодитесь.

– Ну, спасибо. Обрадовали. Теперь жизнь обрела смысл.

Горелов молча скрылся в комнате. Вернулся через минуту с сумкой через плечо.

– Набор на все случаи жизни, – сообщил он, похлопав по сумке. – А это законно?

– Ну, я же показала вам удостоверение, – напомнила я. – И я дружу с подполковником Кирьяновым. Перед ним и буду отвечать. И потом, Егор, мне бы даже хотелось, чтобы вы были рядом. В память о Елене.

– О'кей, – тут же согласился Горелов, открыл входную дверь и пропустил меня вперед.

* * *

Несколько минут мы пытались вынюхать из замочной скважины запах гари, но ничего похожего не обнаружили. Горелов хотел было сломать замок одним из своих инструментов, но я опередила его, достав отмычки.

Несмотря на то что замок был простым, поддался он не сразу.

Мы зашли в квартиру и аккуратно прикрыли за собой дверь. Не хватало еще, чтобы нас застукали любопытные соседи.

По ушам тотчас ударила тишина.

– Никого, – констатировала я.

Егор вжался в стену. Вид его был очень растерянным.

– Постойте тут, – попросила я.

Оставив Горелова у порога, я бегло осмотрела квартиру. Никого.

По пути обнаружила комнату Вики.

Это была ее комната, не Елены, ошибиться было трудно. Самая обычная обстановка. Никаких кровавых рисунков на обоях. Светлые занавески, разноцветный плед вместо одеяла на разобранной кровати. На полках книжного шкафа книги на английском языке. На подоконнике ряд смешных кактусов. Ноутбук в корпусе цвета бронзы. Большие красные наушники, висевшие на спинке стула.

Ни одного депрессивного элемента. А ведь именно в этих стенах девушка в прямом смысле сходила с ума.

На кухню я снова зашла первой. Еще стоя на лестничной площадке, поняла, что Елена в момент трагедии ничего не пекла и не жарила. Конфорки были выключены.

Я подошла к распахнутому окну и наступила в лужу.

– Егор, подойдите сюда, – попросила я.

На полу виднелись многочисленные водные разводы. Будто бы кто-то нес чашку в тот момент, когда у него тряслись руки, и из чашки выплескивалась вода. Отсюда лужицы, которые не успели высохнуть.

Под самым окном стоял таз, в котором плавала губка для мытья посуды. На дне таза под толщей воды застыла зеленая субстанция.

Я присела на корточки и сунула палец в воду, поболтала им. На поверхности воды появились пузыри.

– Кажется, это средство для мытья посуды, – догадалась я. – И оно на дне таза. Елена собиралась мыть окна, но не успела размешать его в воде. Что-то отвлекло.

– То есть к уборке она приступить не успела? – шепотом спросил Горелов.

Я распрямилась и всмотрелась в оконные стекла.

– Они сухие, – подтвердила я. – Видите разводы? Такие следы оставляет дождь на поверхности, которая была покрыта грязью. К окнам не прикасались. Их не мыли.

– Но таз с водой говорит об обратном, – заметил Горелов.

– Это ни о чем не говорит, Егор.

Он устало опустился на стул, стоявший тут же.

– Не сходится, – пробормотал он. – Обычно как происходит? Воду ставят на подоконник, а потом уже моют окна. Получается, что Елена приготовила таз с водой, налила туда какую-то хрень, чтобы лучше отмывалось, даже вон губку в воду бросила, но к окнам даже не притронулась. Окно открыто. Значит, она все же планировала протереть эти чертовы стекла. Но потом получается какая-то фигня. Таз там, а она тут. Ей что, каждый раз спрыгивать с подоконника, чтобы намочить губку, а потом забираться обратно? Или она передумала что-то мыть и решила выброситься из окна? Что мы видим? Что ее сгубила уборка, которой не было?

Он был прав. Все выглядело именно так, как он описал.

– Похоже на то, – согласилась с ним я. – Все говорит о том, что она случайно оступилась, хотя на самом деле все было не так. Версия о том, что ей помогли «случайно» упасть с большой высоты, звучит очень здраво. Иначе бы все тут выглядело совсем по-другому. Не так чисто. Не так идеально. И пол не был бы мокрым. Такое впечатление, что кто-то поспешил наполнить таз водой, расплескав ее.

– Да, выглядит так, словно воду разлили специально, – поддержал меня Горелов.

– Или случайно, – добавила я. – Если очень торопились.

* * *

Перед уходом я решила осмотреть помещения более детально.

В комнате Елены царил абсолютный хаос. На всех поверхностях лежал заметный слой пыли. Кое-где стояли чашки с недопитым чаем. В кресле я увидела ком из выстиранного, но не глаженого белья. Взгляд упал на столик с косметикой, и вот тут все было иначе. Нет, бардак никуда не исчез, но кремы, лаки для ногтей и флаконы с духами были как на подбор брендовыми.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.